

Посвящения М. А. Волошину

Илья Эренбург

Из цикла «Ручные тени»

Елей как бы придуманного имени
И вежливость глаз очень ласковых.
Но за свитками волос густыми
Порой мелькнёт порыв опасный
Осеннего и умирающего фавна.
Не выжата гроздь, тронутая холодом...
Но под тканью чувствуется тёмное право
Плоти его тяжёлой.
Пишет он книгу.
Вдруг обернётся – книги не станет...
Он особенно любит прыгать,
Но ему немного неловко, что он пугает прыжками.
Голова его огромная,
Столько имён и цитат в ней зачем-то хранится,
А косматое сердце ребёнка,
И вместо ног – копытца.

14 марта 1915

К. Бальмонт

Максимилиану Волошину

Ты нравишься мне весь, с своею львиной гривой
И тайной яростью невыраженных слов.
В теснине ты поток, и взрывной, и бурливый,
Что точит камень скал, чтоб литься из основ.

Ты к нам пришёл сюда от чуждых берегов,
Твой лик не совмещу с моей родною ивой.
В Элладе ведал ты, за сонмами веков,
Ристалище и лавр блестяще-горделивый.

Люблю тебя за то, что твёрдою киркой
Ты разрываешь глубь и камень дорогой
С другим поставишь в ряд рукою хладнокровной.

Но более всего, в людской пустыне ровной,
Ценю в тебе, что ты душой своей упрямя
И рядом с торжищем всегда построишь храм.

13 февраля 1915

В. Брюсов

Максимилиану Волошину

Наш Агамемнон, наш Амфитрион
И наш Орфей, царь области рубежной,
Где Киммерии знойной Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет неизбежно!

Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лавров,
И в тверди глыб, для казни и побед,
Свой лабиринт сокрыл для минотавров,

Ряд входов с моря ты открыл в Аид,
Чтоб доступ к Стиксу прост был; ты, во мраке,

Там души предков кличешь, но таит
Тьма недр виденья: голоса и зраки.

В расщепы гор вложил ты халцедон,
И аметист, и сердолик – но ими,
Твоей волшбой, гремит лишь Посейдон,
Играя в мяч со скалами нагими.

К себе деревьям путь ты запретил,
Свой мир покрыв полынью и волчцами,
Чтобы был над степью ярче ход светил
В твоих волнах, дробящихся венцами.

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеянье,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись –
Да небеса гласят твои даянья!

И тщетна баснь, что древний Карадаг
Изверженец давно бывшего мира:
Тобой творён он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий столп кумира.

17 августа 1924 Коктебель

Э. Голлербах

Максимилиану Волошину

Силена стан, апостола осанка,
Платона ум. О, как ему ясна
Тревожной жизни грешная изнанка
И душ людских немая глубина!
В его речах, неспешных и спокойных,
И в поступи, и в музыке стихов –
Иных времён, торжественных и стройных,
Мне слышится многоголосый зов.

Не ведаю, столетье иль неделя
Мной прожита в кругу его пенат,
Но память вдалеке от Коктебеля
Не раз с тоской оглянется назад,

Чтоб вновь найти среди киммерийских кряжей,
 На берегу, пустынном и нагом,
 Как некий храм, хранимый верной стражей,
 Наставника гостеприимный дом.

26 мая 1925 Коктебель

КОКТЕБЕЛЬ

Здесь ветер лют и жёлтый берег наг,
 На склонах гор – седой ковер полыни.
 И высится угрюмых Карадаг
 Над маревом взволнованной пустыни.

Здесь образы Гомерово́й страны
 Недвижными громадами застыли;
 Торжественные расцветают сны
 И память бредит о далёкой были,

Когда Гефест-провидец изваял
 Над пеной вод, над пеленой тумана,
 На западе, в изломе диких скал
 Величественный лик Максими́льяна.

Голлербах Эрих Федорович (1895-1942) – искусствовед, литературовед, библиограф.

Силен – полубог, сын Пана и Нимфы; воспитатель Вакха; обладал музыкальным талантом (то же – Сатир). **Платон** (427-347 до н. э.) – один из выдающихся греческих мыслителей; выдвинул проект государственного устройства, основанного на справедливости.

ЛЕВ ОСТРОУМОВ

***

Морской пустыни гладь, и стены Ханаана,
 Афинские холмы и Ассирии дно,
 Как даль вечерних вод с завесою тумана,
 С тобой слились здесь в созвездие одно.
 У мудрых берегов седого Океана
 Века сплетаются в единое звено:
 Одной любовью, томительно и пьяно,
 Людей и Божество любить тебе дано.
 Один предвечный дух в явлениях многоликих,

Шумящих и немых, ничтожных и великих, –
 И оттого стихи, рождённые тобой,
 Нетленны, как пески, насыщены, как влага,
 Угрюмы и тверды, как скалы Карадага,
 Ясны и ласковы, как звёзды над волной.

Вс. Рождественский

Nature morte

Фаянсовых небес неуловимый скат,
 Изломы синих скал на склоне горизонта,
 И переполнен дом дыханьем мерным Понта,
 А солнце медленно уходит на закат.

На синей скатерти – тетрадь “Mercure de France”**,
 Литая бронза груш, где осень не иссякла...
 Залив, натянутый, как гибкий лук Геракла,
 Доносит и сюда волны глухой каданс.

По стенам полки книг – народы и века,
 На гладком ватмане разбрызганная призма,
 И, словно лебеди эпохи Символизма,
 В наклонном зеркале крутые облака.

Ложится пеною волна у самых ног,
 Неумолимый зной расплавлен и растаян.
 Пустынных пажитей апостол и хозяин
 С пастушьим посохом выходит на порог.

Повязкой эллинской охвачен львиный лоб,
 А в лёгкой седине – вся молодость Стрибожья,
 Вся мудрость Аттики, все ветры Запорожья,
 Не Пан, не Гезиод – мятежный протопоп.

Впивая всех веков и поколений хмель.
 Замкнув свою мечту в полынном кругозоре,
 Из скифских пажитей и эллинского моря
 Он изваял страну и назвал: Коктебель.

Осень 1929

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я камешком лежу в ладонях Коктебеля,
И вот она плывёт, горячая неделя,

С полынным запахом в окошке на закат,
С ворчанием волны и трескотнёй цикад...

Здесь, в этом воздухе, пылающем и чистом,
Совсем я звонким стал и жарко-золотистым

Горячим камешком, счастливым навсегда,
Солёным, как земля, и горьким, как вода.

Вот утро... Всё в луче, лазурью пропылённом,
Оно к моим зрачкам подкралось полусонным,

И распахнув окно, сквозь жаркий полумрак
Впускаю в сердце я огонь и Карадаг.

Летучих паутин отбрасывая нити,
Вновь, голый, как Гоген в коричневом Таити,

По лестнице бегу на раскалённый двор,
На берег, где шумит взлохмаченный простор

И с пеной на гребне, обрушив нетерпенье,
В тяжёлых пригоршнях ворочает каменья

Там, с ветром сочетав стремительный разбег,
Я телом брошенным разбрызгиваю снег,

Плечом взрезаю синь, безумствую на воле
В прозрачной, ледяной, зеленоватой соли,

Ловлю дыханье волн и, слушая прибой,
Качаюсь на спине медузой голубой

Потом на берегу, песком наполнив руки,
Я долго предаюсь пленительной науке

Считаю камешки – их тяжесть, форму, цвет,
Как чётки мудрости, жемчужины примет

У ног моих шуршит разорванная влага,
Струится в воздухе громада Карадага,

И дымчатый янтарь расплавленного дня
Брожением вина вливается в меня

В закатной «Мастерской», где в окнах мыс и море,
Пишу, брожу мечтой в лазурном кругозоре

Иль, с гордой рифмою оставя праздный спор,
Как в тишину пещер, вступаю в разговор,

Исполненный огня, и горечи, и мёда,
С серебристым мудрецом в повязке Гезиода,

В словах которого, порхающих как моль,
Сверкает всех веков отстоянная соль.

Он водит кисточкой по вкрадчивой бумаге,
Он колет мысль мою концом масонской шпаги

И клонит над столом изваянный свой лик
Средь масок, словарей, сухих цветов и книг

Но поздно. Спит залив в размывчатой короне,
Забывтая свеча тоскует на балконе,

Светила мудрецов, согласный правя хор,
Свой невод завели над головами гор,

И горестным стихом, как чаша пировая,
Мне «море Чёрное шумит, не умолкая».

Хозяин проводить выходит на порог,
И дышит нам в лицо полынь ночных дорог.

Вновь лестница, чердак... Здесь, встречен лунным светом,
На миг мальчишески я мню себя поэтом,

Спешу опять раскрыть заветную тетрадь,
Ликую, и пою, и не могу дышать...

А ночь идёт в окне, а ветер, синь и чёрен,
Несет по бархату размет огнистых зёрен,

И пляшут бабочки, и клонится свеча,
И рухнувший прибой я слышу у плеча.

TERRA ANTIQUA

В синеве кремнистых складок,
В пыльных тропках чабана,
Там, где свежих лоз порядок,
Черепиц и мальв цветенье,
Протянулась вдоль селенья
Виноградная страна.

Где развёрнуты на створе
Осыпь охры, синь сурьмы –
Встань, вдохни поглубже море, –
И, как Товия когда-то,
Поведёт тебя вожатый
На закатные холмы!

В лёгком шорохе сандалий,
С длинным посохом в руке,
Он раздвинет эти дали –
Очерк холмов полынных,
Выгиб скал и гул пустынных
Пенных гребней на песке.

И в округлостях шафранных,
В мерном грохоте зыбей,
Как во сне, сквозь синь тумана
Ты узнаешь взор и волос,
И глухой, как море, голос
Древней Матери твоей!

11 АВГУСТА 1932 г.

Сегодня я не спал. Душа во мне боролась.
Я раскрывал окно. Туманных лип верхи

Несли обрывки туч. И чей-то ровный голос
Перебирал в листве знакомые стихи.

Я узнавал тебя. Так странно. Так похоже.
Твое дыхание, и паузы. И спад.
Под сумраком бровей сверкало небо то же
И тот же в седину запутан был закат.

Отстоем мудрости и юности нездешней,
Голубизной души, прозрачной до конца,
Был вылеплен твой лик – апостольский и грешный,
Как озарённый гипс Гомерова лица.

Я весь был зренье, слух. Я видел медь залива,
Оранжевых холмов неторопливый шаг...
Но таяла в песке сбегающая грива,
И дом был одинок, и тёмн Карадаг.

А голос продолжал спокойно и упрямо
Катить прибой строфы и горького огня...
Ах, что мне серый лист какой-то телеграммы,
Что может он отнять навеки у меня?

Нет, если правда то, что, завершив кочевье,
Вдохнув в последний раз земного неба тишь,
Поэт уходит жить в пустынные деревья –
Ты дубом надо мной сегодня говоришь.

И где бы ни был я – в толпе иль лунной чаще,
Восторжен или сух, беспечен иль угрюм,
Твой голос, как всегда, зеленый и шуршащий,
Гомеровой строфы широкий движет шум.

Рождественский Всеволод Александрович (1895-1977) – поэт, мемуарист.

* **Натюрморт** (*фр.*). ** “Французский Меркурий” (*фр.*) – литературный журнал; начал выходить в Париже с 1890 г.

Стрибог – один из верховных богов в древнеславянской культуре. Владыка воздушного пространства, Повелитель ветров и бурь, рожденный из дыхания Рода. Удел Стрибога – меж Землей и Небесами, меж обителью людей и Обителью Богов.

С. Шервинский

***

Где кроток и пустынен моря вал,
Где путника встречает на утесах
Лишь скок козы да страннический посох,
Где слышать хочешь лиру, не кимвал,

Где парус Одиссея проплывал
Врата Чудес у скал многоголосых,
В седой земле, на солнечных откосах
Теперь и я, счастливый, побывал.

В сем крае сдержанных великолепий
Узнал я дом, где нынче торжество:
Зевс, Океан, Геракл или Асклепий –
Брадатое благое божество

Свой светлый праздник празднует, и люди,
Как в оный век, что назван "золотым",
Несут ему на небогатом блюде
Плоды холмов, благословенных им.

Вера Звягинцева

Коктебель

Опять библейские разливы
Холмов. Седины трав опять.
И волн взыскательных призывы
И то, что нечего мне дать,

Помимо слёз в песок солёный
Да перебора слабых струн
У лиры ветхой, засорённой,
Колеблущейся на ветру.

Опять по мастерской вечерней,
Набатом о земной беде
И голосом поэта к черни
Стихам Волошина гудеть.

На ритмы отзываться – морю,
 Сердцебиению – на мысль;
 Не закрывать простора шторы,
 Корусти не теснить умы.

Опять, опять звенеть цикадам,
 Песку и жизни утекать,
 Певцу “не требуя награды”
 Горячий мир свой расточать.

Июль 1928 Коктебель

***

Я помню: водная метель,
 Закачивающая катер...
 И легендарный Коктебель
 Предстал мне в сумрачном закате.

Лежали горькие холмы,
 Притихшие под мерклым светом,
 И спутников просили мы
 Нам показать, где дом поэта.

С тех пор в сумятице Москвы,
 В той комканной безумной жизни
 Мне часто представляли вы –
 Холмы и море – укоризной.

И вот он – вольный островок,
 Обветренный таким простором,
 Что самых скромных стыдно строк
 (Красе ненужного убора).

Высоко, стеклами в прибор
 Жильё под солнцем и под ветром
 Такой её задумал Бог –
 Жизнь человека и поэта.

Здесь – мудрость, лёгкость, песня, кисть,
 Кудрей полынных величавость.
 День Троицын – остановись!
 Поэту Солнце светит – Славу!

***

Я, наверно, и в смертной постели
отзовусь на далекий твой зов,
бирюзовый залив Коктебеля
в многоцветной оправе холмов.

Я тропинкою памяти верной
на высокую гору взберусь –
там над водной пустыней безмерной
превращалась в гармонию грусть.

Побегу по бренчащим камням,
и, с охапкой полыни в руках,
поднимусь по знакомым ступеням,
чтоб увидеть лицо Таиах.

Ни забвенье, ни тленье, ни плесень
не сотрут этих вечных примет
той, что спутницей жизни и песен
сделал некогда русский поэт.

Это время всё ближе и ближе, –
как тускнеющую акварель,
сквозь закрытые веки увижу
наплывающий Коктебель...

Звягинцева Вера Клавдиевна (1894-1972) — поэтесса и переводчица.

Даниил Андреев

Памяти Волошина

Любимый холм – его надгробный храм,
Несокрушимый; скудный; строгий...
Он спит, как жил: открытый всем ветрам
И видимый с любой дороги.

Ограды нет: над ним вершит дозор
Лишь небо – стражник неподкупный...
Он спит, как жил: подъемля к Солнцу взор,
Морскому рокоту доступный.

Свисти же, ветер! Шуми, свободный вал!
 В просторах синих песнью строгой:
 Он в ваших грозных хорах узнавал
 Открытые глаголы Бога.

Своею жизнью он учил – не чтить
 Преград, нагромождённых веком,
 В дни мятежей – не гражданином быть,
 Не воином, но человеком.

20 октября 1934, Коктебель

Андреев Даниил Леонидович (1906-1959) – философ, поэт, писатель.

Георгий Шенгели

Максимилиан Волошин

*И жил он на берегах Дуная,
 Не обижая никого,
 Людей рассказами пленяя.*

Пушкин

Огромный лоб и рыжий взрыв кудрей,
 И чистое, как у слона, дыханье...
 Потом – спокойный, серый-серый взор
 И маленькая, как модель, рука...
 “Ну, здравствуйте, пойдёмте в мастерскую”, –
 И лестница страдальчески скрипит
 Под быстрым взбегом опытного горца,
 И на ветру хитон холщовый хлещет,
 И, целиком заняв дверную раму,
 Он оборачивается и ждёт.
 Я этот миг любил перед закатом:
 Весь золотым тогда казался Макс...
 Себя он Зевсом рисовал охотно;
 Он рассердился на меня однажды,
 Когда сказал я, что в его чертах
 Не стерлось приключение с Европой;
 Он так был горд, что силуэт скалы,

Замкнувшей с юга бухту голубую,
 Был точным слепком с профиля его!..
 Вот мы сидим за маленьким столом,
 Сапожничий ремень он надевает
 На лоб, чтоб волосы в глаза не лезли,
 Склоняется к прозрачной акварели
 И водит кистью – и всё та ж земля,
 Надрывы скал, и спектры туч и моря,
 И зарева космических сияний
 Ложатся на бумагу в энный раз.
 Загадочное было в этой страсти
 Из года в год писать одно и то же:
 Все те же коктебельские пейзажи,
 Но в гераклитовом движенье их.
 Так можно мучиться, когда бываешь
 Любовью болен к подленькой актрисе
 И хочется их тысячи обличий
 Поймать, как настоящее, одно...
 Пыль, склянки, сохлые пуки полыни
 И чобра, кизилловые герлыги,
 Гипс масок: Достоевский, Таиах,   Гипс масок: Пушкин, Гоголь, Таиах,
 Отломьши базальта и порфира,
 Отливки темноглазой пуццоланы,
 Гравюры Пиранези и Лоррена
 И ровные напластованья книг...
 Сижу, гляжу... Сюда юнцом входил я
 Робеющим; сюда седым и резким,
 Уже на “ты” с хозяином, вхожу.
 Все обветшало, стал и он слабее;
 Но – как мальвазия течёт беседа:
 От неопровержимых парадоксов
 Кружиться начинает голова!
 Вот собственной остроте он смеётся,
 Вот плавным жестом округляет фразу,
 Сияя, как ребёнок, – но посмотришь:
 Как сталь, спокойны серые глаза.
 И кажется: не маска ли всё это?
 Он – выдумщик: он заговор создаст,
 Чтоб разыграть неопытного гостя;
 Он юношу Вербицкою нарядит,
 И станет гость ухаживать за ней;
 Он ночью привидением придёт;
 Он купит сотню дынь и всех заставит,
 Головку срезав, выедать их ложкой,

А после дынной корочки шары
 Фонариками по саду повиснут
 И вечером, со свечками внутри,
 Нефритово-узлисто-золотые,
 Вдруг засияют сотней нежных лун...
 Стихи читает, и стихи такие,
 Что только в закопчённое стекло
 На них глядеть, – и он же, нарядясь
 Силеном или девочкой (брадатый!),
 Всех насмешит в шарадах, а взглядишься
 Как сталь, спокойны серые глаза.
 Не маска ли? Какая, к черту, маска,
 Когда к Деникину, сверкая гневом,
 Он входит и приказывает, чтобы
 Освобожден был из тюрьмы поэт –
 И слушается генерал! Когда
 Он заступает за Черубину
 И хладнокровно подставляет грудь
 Под снайперскую пулю Гумилёва!
 Когда годами он – поэт, мыслитель,
 Знаток искусства, полиглот, историк –
 Питается одной капустой нищей,
 Чтоб коктебельский рисовать пейзаж.

И он прошёл – легендой и загадкой,
 Любимый всеми и всегда один
 В своём спокойном и большом сиротстве,
 “Свой древний град” вспоминая втайне...
 Мне без него не нужен Коктебель!

1936

Пуццолана – вещество вулканического происхождения, вид природного цемента.

Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861-1928) – писательница.

Освобожден был из тюрьмы поэт... – имеется в виду О. Э. Мандельштам (1891-1938); см. об этом в воспоминаниях Э. Миндлина.

Коктебельские октавы <Фрагменты>

Мне не забыть, как после всех тревог
 Увидел я впервые очерк горный,
 Который как художник создал Бог
 В свой лучший миг. С линейки безрессорной
 Приметен стал налево от дорог
 Поэта дом, для всех сердец просторный,
 И серый пляж, и голубой залив,
 Где каждый был беспечен и счастлив.
 Удачное понятие: гений места.
 Здесь Макс творил себя, свой мир и дом.
 Для нас он был страницей палимпсеста;
 Сияли иероглифы на нём
 Любви, познания, мужества, протеста,
 А прежний текст в безгласье вековом
 Был кем-то сочинён, презревшим сроки,
 И явственно ещё сквозили строки.
 Когда я в дом поэта приезжал,
 И гений места выбегал для встречи,
 Как радостно лицо я погружал
 В дебрь бороды, обняв крутые плечи
 В холсте расшитом – Макс руки не жал.
 Он звал Марусю, и без долгой речи
 Бывали мы, невольно смущены,
 В белёной келье вмиг поселены.

Дверь прямо в степь. Железные кровати.
 Дырявая циновка на полу.
 Для платья гвоздь, – но сколько благодати
 В такой тиши, в отшельничьем углу.
 Потом среди приветствий и объятий
 Шли на террасу к общему столу
 В весёлый круг доверья и свободы.
 Был тучен Макс, но полон сил в те годы.

До четырёх бывала для чужих
 Высокая закрыта мастерская.
 А вечером в ней раздавался стих
 Про Аввакума. Непогодь морская
 Рвалась к стенам. В распевы слов тугих
 Мы вслушивались, исподволь лаская
 Ладонь подруги иль шепчась. Меж тем
 Мы почитали мощь его поэм.

Бывало, Макс, расставшись с акварелью,
 Беседует с приезжим – всех поймёт.
 Познать другого было первой целью
 Пытливости его, собирал он мёд
 Со всех цветной, всё на потребу зелью
 Кудесника, по малости возьмёт,
 Помногу даст. Иных без лицемерья
 Всё ж не вводил он далее преддверья.

В пустыне каменистой на седле
 Меж двух холмов видна его могила.
 Торжественней нет места на земле:
 Объять гор любовно охватило
 Залив. Мерцают дали. Там в скале
 Черты певца судьба изобразила.
 Порой к могиле ходит молодежь:
 Стоит, молчит. Немного там найдешь:

Крест из камней лег на бугор овальный,
 Два-три цветочка в банке жестяной.
 Но если ты пришел сюда печальный,
 Утешен будешь ясной тишиной
 И красотой некой изначальной
 Над бедною могилою степной.
 Будь век другой, молва была б готова
 Считать её могилою святого.

Палимпсест — древняя рукопись, написанная чаще всего на пергаменте после того, как с него счищен прежний текст.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

МАКСУ ВОЛОШИНУ

Ты говорил, а я тебе внимал.
 Элладу ты явил в словах немногих:
 И тишину её холмов отлогих,
 И рощ, где фавн под дубом задремал.

Когда бы ты знал, как в сердце принимал
 Я благостную нежность линий строгих.
 Ты оживил напевы козлоногих
 И спящих нимф, в тени, без покрывал.

И понял я, что там безвластно горе,
 Что там пойму я всё без дум и слов,
 Где ласково соединяет море
 Брега мостом фиалковых валов,
 В которых отразился свод лазурный,
 Где реет тень сестры над братней урной.

***

Когда октябрь вздымает бури
 И кружит буйная метель,
 В сиянии двойной лазури
 Встаёт далекий Коктебель.
 Лазурь воды, лазурь эфира,
 В которой тонет жадный взор,
 И первозданная порфира
 Суровых, диких, голых гор!
 Чернеет влажная пещера,
 Шумит, шумит вспененный вал,
 И адом Данта и Гормера
 Дохнуло от грозящих скал.
 Ужасные нагроможденья
 природы каменных костей!
 Здесь всё поёт твоё паденье,
 Твой бунт, могучий Прометей!
 Как я любил окинуть взглядом
 Морскую даль с нагих высот,
 И дом, обильный виноградом,
 И всё пространство, где поёт
 И песнь Эллады, и Кармила.
 Здесь всё уснуло вечным сном.
 Но, как и встарь, скользит ветрило
 И огибает Меганом.
 Чернеют острия и кручи,
 И безуханны, и колючи
 Растенья дикие, и в них
 Струится часто яд смертельный.
 Все дышит мощью беспредельной,
 Как Данта выкованный стих.
 Тарантулы и скорпионы
 Ютятся в трещинах скалы.
 И, омывая халцедоны,
 Журчат зеленые валы.

***

Мне ближе с каждым днём и с каждой минутой
 Сей голубой залив, со всех сторон замкнутый,
 То кряжем царственным, то линией холмов,
 Чуть розовеющих над зеленью валов.
 И это – целый мир: хребтов зубчатых стены,
 И блеск, и плеск зыбей в жемчужных брызгах пены.
 Там – иудейские спалённые холмы,
 Где под маслинами ещё звучат псалмы,
 Такие ж скорбные, как и во время оно.
 Направо ж, посмотри, подобие дракона –
 Громадная скала вздымается из вод.
 Под ней в страну теней змеится чёрный вход.
 И волны пенные в неистовстве растущем,
 Кидаясь на скалу, поют о первосущем.
 Отраднo задремать, внимая мерный шум,
 И кажется, что ты проснулся возле Кум.
 И завтракать пойдёшь, в венке из роз, в триклиний,
 Где знанью о камнях тебя научит Плиний.
 Вдали от городских кровавых новостей
 Тебе здесь встретится среди других гостей
 Какой-нибудь поэт, к престолу слишком близкий,
 Чьё имя значится в проскрипционном списке,
 Клемящий прихоти и произвол царей.
 А на закате дня неведомый еврей,
 Где плещущий прибой нагие лижет глыбы,
 Начертит на песке изображение рыбы.

МАТВЕЙ РОЗАНОВ

***

Где море Чёрное шумит, не умолкая,
 И Карадаг возносит к небу груды скал,
 Где вход в аид Гомер божественный искал,
 В подземный мир Улисса направляя,
 Где гонуэец, вихрь набегов отражая,
 Вершины башнями суровыми венчал,
 Где бурь гражданских разыгрался мутный шквал, –
 Там мирная стоит обитель – "мастерская".

Твердыня мысли, вход в поэзии Эдем,
 Радушно раскрывает настежь двери всем,
 Кто, истомившись, к ней протягивает руки.

Отшельник умудрённый там, волшебник слов,
 Алмаз идей вправляя в золото стихов,
 Для сердца русского куёт родные звуки.

ЮЛИЯ ОБОЛЕНСКАЯ

ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ

1

Всевластный Киммерии господин
 В ударах рифм и ритме вольных линий!
 Ты, возлюбивший цвет и слово "синий",
 Мной не забытые сквозь ряд годин,

Пусть виноград кудрей твоих – седин
 Навеки не покроет грустный иней,
 Пусть чащи сосен, кипарисов, пиний
 В твоём саду заполнят ряд редин.

Пусть критик не шипит из подворотни,
 Пусть множатся твоих этюдов сотни
 И песен не иссякнет звонкий ключ.

Средь кокетбельской тишины и мира
 Да царствуешь, спокоен и могуч,
 Средь оборотов ревностного клира!

3

Ты царствуешь, как властный бог Один
 В своих покоях с рядом книжных полок,
 И в них хранишь, как некий археолог,
 Там вазу, там запястье, там кувшин,

Там контуры окрестностей, вершин,
 Там Габриак чернеет, остр и колок.
 И в их кругу, размерен, чётко, долог,
 Стремится день, как верный ход машин.

Так ясен свет сквозь ряд высоких окон,
 На бюстах так отчетлив каждый локон,
 И так бледна громадность Таиах.

А море в окнах, как отлив сапфира...
 Оно поёт во всех твоих стихах,
 Ты – Коктебеля пламенная лира!

НИКОЛАЙ ЛЕЗИН

КОКТЕБЕЛЬ

На берегу – седые валуны,
 И Карадаг, подъяв хребет свой синий,
 Царит один над выжженной пустыней
 Под мерный плеск лазоревой волны.

Здесь тишина и так покойны сны
 На склонах гор, в изломах резких линий...
 У моря – пляж, где точно хвост павлиний,
 Пески агатами испещрены.

Кусты маслин, цикад приют заветный,
 В садах видны... А море – многоцветной
 И переливной плещется волной.

На всё туман опаловый наброшен.
 Здесь, вдохновляясь древней тишиной,
 Творит стихи суровые Волошин.

ВАСИЛИЙ ДЕМБОВЕЦКИЙ

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

И рост, и грудь, и голова кентавра,
 И грива, как священный лес,
 И круглых глаз нерасточённый блеск,
 Таящий небо солнечного Тавра.
 И та же мощь, и та же пышность мышц!
 Он сохранил спокойный торс гиганта,
 Он строг, как лист дорийского аканта

На камнях киммерийских пепелищ.
 На утре лет, в таинственном заимфе,
 Пред ним прошла богиня сквозь туман,
 Его искали радостные нимфы,
 Его ласкал в зелёных гротах Пан.
 Цветя как сон, несбывный и отравный,
 Он вырос здесь, его вскормили вы,
 Его шаги тверды и безвозвратны,
 Его слова, как терпкий сок айвы.
 Ему родны земные тишь и гулы,
 Его душе свой отдали восторг
 Седой сармат, сухой и остроскулый,
 Свирепый скиф и сероокий торк.
 И были дни: из скифского простора,
 Через Танаис и млечный Фермодонт,
 От Ольвии до сизого Боспора
 С толпами варваров он шел на Понт.
 В горячем ветре, стлавшем чобор серый,
 Под топот стад и ржанье кобылиц,
 Среди всадников и пыльных колесниц,
 Он складывал напевные размеры.
 От дальних Сард и знойных Экбатан
 До каменных твердынь Пантикапеи
 Он провожал персидский караван,
 Тая в груди молчание камеи.
 Он проходил здесь в средние века
 В берете темном, с лютнею, желанный,
 В седую даль, к земле обетованной.
 Не меч, а мир несла его рука.
 Под парусом входил он в полдень белых
 Сюда в залив, к фиалковым волнам,
 И перед ним качали каравеллы,
 Лазурь знамён и пламя орифламм.
 А в час рассвета, трепетный и сладкий,
 Уж он опять скользил от берегов,
 Его ласкал зелёный сонм холмов
 И Кафы алебастровые складки.
 И в наши дни, прияв печаль годин
 И всю любовь, среди брений и судели,
 Всю ярость исступившихся глубин, –
 И глад, и трус, и всё, что очи зрели, –
 Он был в аду, как Данте, но один,
 Из пепельных дремотных асфоделей
 Надев венок на тишину седин.

НАТАЛЬЯ СЫРОКОМСКАЯ

М. ВОЛОШИНУ

Вы снова здесь, Вы снова с нами,
 Певец, пророк, Учитель, друг,
 Вы снова вещими словами
 Замкнули нас в волшебный круг.
 Все та же мощь стиха стального.
 В нём наша явь, в нём наша быль,
 В нём рокот моря, Вам родного,
 В нём вихрь несёт земную пыль.

Пленённой Синей птицы крики,
 Простор степей, простор мечты,
 В нём заколдованные лики,
 Царевн египетских черты.

А надо всем, нерукотворный,
 Святая Русь, царит твой лик.
 Ваш общий путь – глухой и скорбный,
 Как небо, тайнами велик.

Вы снова здесь, Вы снова с нами,
 Пророк, Учитель и певец...
 Я вижу тот же над кудрями
 Терновый лавр – Руси венец.

МАРК ТАРЛОВСКИЙ

ПРОЩАНИЕ С КОКТЕБЕЛЕМ

В пересохшей молитвенной чаше
 Со следами священных даров –
 Золотое убежище наше
 И Волошина благостный кров.

И, когда я увижу на склоне
 Уходящей от моря гряды
 Коктебеля сухие ладони,
 Где заноз и причастий следы,

Я кричу, и смеюсь, и рыдаю,
 Потому что в зачатом кругу
 Небывалые сны покидаю,
 От нездешнего счастья бегу...

АЛЕКСАНДР РУМНЕВ

***

Тот блажен, кому свет дано лучезарный увидеть,
 Воздух кому дано вдыхать легко и свободно.
 Тот блажен, кому влага встречается в знойный полдень,
 И блажен вдвойне, кто смог увериться в дружбе.
 Но блаженней стократ, кому быть довелось в Коктебеле:
 Солнце божественным светом своим его обласкало,
 Море загар золотистый омыло поющей волною,
 Ветер полынных степей осушил блестящие члены, –
 Стал прекрасен телом и душой он безмятежен.
 Добрый хозяин встречал его мудрой и ласковой речью.
 И до рассвета не раз, дружбы радостный спутник,
 Смех божественный тешил гостя на палубе милой.
 О, Коктебель, как тебя не воспеть в радостном гимне,
 Радость и мудрость твою как не воспеть, Коктебель!

ДАНИИЛ ЖУКОВСКИЙ

М. ВОЛОШИНУ

Меж тёмных тайников прошёл ты втихомолку
 И полночью глухой на землю ухом лёг.
 Синели стебли трав и плакал ручеёк,
 Как бы звенели в нём тончайшие иголки.

Там, видный лишь в ночи, мерцаний лунных ток
 Струили снов твоих, рассыпавшись, осколки.
 Но вдруг возникнул блеск, для глаз нежданно колкий
 И поднял ты из тьмы свой солнечный венчик.

Всю мудрость дум ночных ты светом дня проплавил
 И вот, размеренно и сдержанно направил
 В молчанье наших душ, в слепую тишину

Безумной жизни пыл и скованную ярость;
 И светел был, как луч, когда настала старость,
 Двойного бытия приявший глубину.

АЛЕКСАНДР МИНИХ

МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ (акrostих)

Мы не имели мудрости высокой,
 А здесь у ног высокомерных гор,
 Как древний рай, раскинувшись широко,
 Сиял солёный солнечный простор.
 И рдели дни невиданного рая,
 Морским сиянием озарены.
 И ночи шли, и звёздный блеск, играя,
 Ложился вдоль натянутой волны.
 И гулкий дом на берегу отлогом
 Античным миром в сумерки дышал...
 Не потому ль о Коктебеле строгом
 У северян томилась ты, душа?

Велик простор и мудр его хозяин,
 Овеянный чудесной простотой.
 Лишь он владыка выжженных окраин,
 Открыл закон Софии золотой.
 Широкий лоб в огне короны мирной,
 Искрист и молод взор, назло годам...
 Неси ж свой труд, грани свой стих всемирный,
 Учи нас мыслям, звукам и цветам.

ИВАН ПУЗАНОВ

ПАМЯТИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Всё тот же дико-зубчатый хребет
Замкнул стекло сапфирного залива.
По выжженным холмам – полыней грива,
Пахуч тимьян, и яркое солнце свет.

Сойду на берег. Дом, где жил Поэт,
Иные дни напоминает живо.
Войди: тебе из ниши молчаливо
Лик белый Таиах пошлёт привет.

Всё на местах, но – смолкли дифирамбы!
Певец ушёл, свободный от оков.
Как жуток стал осиротелый кров,

Как траурны акаций пыльных штамбы!
Ушёл Поэт, но в рокоте валов
Не замолчат торжественные ямбы...

***

Учил нас Гераклит, что всё течёт, –
И Коктебель, конечно, уж не тот,
Каким он был, когда, покинув взморье,
В хитоне Макс бродил по плоскогорью,
На цепь холмов прищуривая глаз,
Чтобы, не счесть уже в который раз,
Скупой ландшафт родного Коктебеля
Запечатлеть в стихах или в акварели.
Да! всё не то – и люди, и дома:
Безмерно изменилась жизнь сама...

И всё ж, для тех, чьи взоры изощрённы,
Кому гекзаметром вещают волны,
Кто чувствует, что скрыто для других,
В ком жив Поэта вдохновенный стих,
Кто мудрости его познал глубины,
Кто видел лоб его под гривой львиной,
Кто слышал речь его один хоть раз
И был пронизан взглядом серых глаз,
Кто ведал кров его гостеприимный,

Беседой наслаждался с ним интимной
 О живописи – кистью иль в стихах –
 И ночевал под белой Таиах, –
 Для тех холмы нагие Коктебеля
 И Карадага пропасти и щели
 Как в старину, стоят оживлены:
 Они Поэта памятью полны.
 Ведь вал прибоя так же, как бывало,
 Выносит сердолики и опалы, –
 Так память цепкая друзей таких
 Поэта вынесет заветный стих.

Пройдут года... Быть может, Дом Поэта
 Поглотит, как и всё, немая Лета –
 Ведь для домов и нас – конец один:
 Стать грудой костей или руин.
 Но есть и то, над чем бессильно Время:
 Пусть трижды сменится людское племя –
 Но не умрёт Поэта вещей стих,
 Он снова прозвучит в веках иных
 И громче, чем теперь, в том нет сомненья!
 Наступит же век новый Возрожденья?
 Поэт людьми грядущих тех времён
 Вновь будет с пыльных полок извлечён
 И к мировым Художникам причислен,
 И будет стан его друзей бесчислен!
 Как пилигримы Царского Села,
 Так в Коктебель потянут без числа
 Ценители поэзии далёкой
 Чтоб на могильный холм взойти высокий,
 Из алых роз там возложить презент
 На бронзовый Поэта монумент...
 И будут вечно жить в его стихах
 Россия-мать на всех её путях,
 Людских культур падения и взлёты,
 Искусства вековечные красоты
 И Мироздания сокровенный смысл.
 И в небесах узоры звёздных числ,
 "И напряжённый пафос Карадага",
 И под скалой рокошущая влага...

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

СОНЕТ МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ

Максимилиан был с виду небожитель,
Юпитер! Сам судьбы своей строитель!
Но он земным был, страстным и хорошим –
Отшельник коктебельский Макс Волошин.

Изысканный художник и мыслитель
В веках искал уютную обитель.
Шли под метель мы первую порошей,
Самовлюбленья плащ был не изношен.

Мы подружились, как поэт с поэтом.
Он первую мою приветил книгу,
Где в космосе я жег уединенье.
Но жизнь горит не коктебельским светом,
И грозному подвластна вечность мигу.
Расстались мы в бессмертное мгновенье.
Не песней вспоминаю Макса, а сонетом.

ВИКТОР МАНУЙЛОВ

ПАМЯТИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Его гора. Он завещал на гребне
Себя на вечный отдых положить.
Так он хотел... Провидец и волшебник,
Поэт, который жил и будет жить.

Бывало, мальчиком на перевале
Он отдыхал, усталый, на пути,
И Зевсовы орлы над ним летали,
Чтоб тучи грозовые отвести.

Потом отсюда юношей и мужем
Смотрел в лицо земли, запечатлев
Весь окоём, и пену волн-жемчужин,
И ветра горького глухой напев.

Его перо и кисть для нас навеки
 Весь этот мир певучий сберегли, –
 Так в трудный век сказать о человеке
 Мог только мудрый сын своей земли.

Сменяются в почётном карауле
 Луна и солнце над его горой,
 Вдыхает море, и в далёком гуле
 Поэта голос слышится порой.

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН

ПРЕДВАРТАНАЯ НАДПИСЬ К ДОМУ ПОЭТА (проект)

Здесь сказка в сказку вплетена,
 Здесь в песне – песня верно спета, –
 И навсегда обручена
 С душой земли душа поэта.

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЁВА

ЭКСПРОМТ МАКСУ

О брат, руном богатый,
 Возьмём свою свирель
 И, слов паяя злато,
 Прославим Коктебель!

Мы будем песням рады,
 А кто их услышал –
 Нам все равно – цикады
 Не требуют похвал.

Черубина де Габриак

Золотая ветвь

Моему учителю

1. *Средь звёздных рун, в их знаках и названьях,*

Хранят свой бред усталые века,
И шелестят о счастье и страданиях
Все лепестки небесного венка.
На них горят рубины алой крови;
В них, грустная, в мерцающем покрове,
Моя любовь твоей мечте близка.

2. *Моя любовь твоей мечте близка*

Во всех путях, во всех её касаньях,
Твоя печаль моей любви легка,
Твоя печаль в моих воспоминаньях.
Моей любви печать в твоём лице,
Моя любовь в магическом кольце
Вписала нас в единых начертаньях.

3. *Вписала нас в единых начертаньях*

В узор Судьбы единая тоска;
Но я одна, одна в моих исканьях,
И линия Сатурна глубока...
Но я сама избрала мрак агата.
Меня ведёт по пламеням заката
В созвездье Сна вечерняя рука.

4. *В созвездье Сна вечерняя рука*

Вплела мечту о белом Иордане,
О белизне небесного цветка,
О брачном пире в Галилейской Кане...
Но есть провал в чертах моей судьбы...
Я вся дрожу, я вся ищу мольбы...
Но нет молитв о звёздном океане.

5. *Но нет молитв о звёздном океане...*

Пред сонмом солнц смолкают голоса...
Горит венец на слезном Эридане,

И Вероники веют Волоса.
 Я перешла через огненные грани,
 И надо мной алмазная роса
 И наших дум развёрнутые ткани.

6. И наших дум развёрнутые ткани,

И блёклых дней широкая река
 Текут, как сон, в опаловом тумане.
 Пусть наша власть над миром велика,
 Ведь нам чужды земные знаки власти;
 Наш узкий путь, наш трудный подвиг страсти
 Заткала мглой и заревом тоска.

7. Заткала мглой и заревом тоска

Мою любовь во всех её сверканьях;
 Как жизни нить мучительно-тонка,
 Какая грусть в далёких очертаньях!
 Каким бы мы ни предавались снам,
 Да сбудется завещанное нам
 Среди звёздных рун, в их знаках и названьях.

8. Среди звёздных рун, в их знаках и названьях,

Моя любовь твоей мечте близка,
 Вписала нас в единых начертаньях
 В созвездье Сна вечерняя рука.
 Но нет молитв о звёздном океане.
 И наших дум развернутые ткани
 Заткала мглой и заревом тоска.

М. ЦВЕТАЕВА

***

Безнадёжно-взрослый Вы? О, нет!
 Вы дитя и Вам нужны игрушки,
 Потому я и боюсь ловушки,
 Потому и сдержан мой привет.
 Безнадёжно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
 С бедной куклы рвут, шутя, парик,
 Вечно лгут и дразнят каждый миг,
 В детях рай, но в детях все пороки, –
 Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
 Кто из них не плачет после елки?
 Их слова неумолимо-колки,
 В них огонь, зажжённый мятежом.
 Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети – тайны,
 Тёмный мир глядит из тёмных глаз.
 Но они отшельники меж нас,
 Их шаги по улицам случайны.
 Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

Москва, 27 ноября 1910

ЖАР-ПТИЦА

Максу Волошину

Нет возможности, хоть брось!
 Что ни буква – клякса,
 Строчка вкривь и строчка вкось,
 Строчки веером, – все врозь!
 Нету сил у Макса!

– «Барин, кушать!» Что еда!
 Блюдо вечно блюдо
 И вода всегда вода.
 Что еда ему, когда
 Ожидает чудо?

У больших об этом речь,
 А большие правы.
 Не спешит в постельку лечь,
 Должен птицу он стеречь,
 Богатырь кудрявый.

Уж часы двенадцать бьют,
 (Бой промчался резкий),

Над подушкой сны встают
 В складках занавески.
 Промелькнёт – не Рыба-Кит,
 Трудно ухватиться!
 Точно радуга блестит!
 Почему же не летит
 Чудная Жар-Птица?

Плакать – глупо. Он не глуп,
 Он совсем не плакса,
 Не надует гордых губ, –
 Ведь Жар-Птица, а не суп
 Ожидает Макса!

Как зарница! На хвосте
 Золотые блески!
 Много птиц, да все не те...
 На ресницах в темноте
 Засияли слёзки.

Он тесней к окну приник:
 Серые фигуры...
 Вдалеке унылый крик...
 – В эту ночь он всё постиг,
 Мальчик белокурый!

(до 1913)

КОШКИ

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
 У нас в глазах не видно боли.
 Но боль пришла – их нету боле:
 В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
 Их обучать домашней роли.
 Они бегут от рабской доли:
 В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
 Как ни балуй в уютной холе,
 Единый миг – они на воле:
 В кошачьем сердце нет любви!

ICI-Haut*

Товарищи, как нравится
 Вам в проходном дворе
 Всеравенства – перст главенства:
 – Заройте на горе!

В век распевай, как хочется
 Нам – либо упраздним,
 В век скопищ – одиночества
 – «Хочу лежать один» –
 Вздох...

* Здесь – в поднебесье (*фр.*).

***

Ветхозаветная тишина,
 Сирой полыни крестик.
 Похоронили поэта на
 Самом высоком месте.

Так и во гробе ещё – подъем
 Он даровал – несущим.
 ...Стало быть, именно на своём
 Месте, ему присущем.

Выше которого только вздох,
 Мой из моей неволи.
 Выше которого – только Бог!
 Бог – и ни вещи боле.

Всечеловека среди высот
 Вечных при каждом строе.

Как подобает поэта – под
Небом и над землёю.

После России, где меньше он
Был, чем последний смазчик –
Равным в ряду – всех из ряда вон
Равенства – выходящих.

В гор ряду, в зорь ряду, в гнёзд ряду,
Орльих, по всем утёсам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году –
Стал рядовым, был способ!

Уединённый вошедший в круг
Горе? – Нет, радость в доме!
На сорок верст высоты вокруг
Солнечного да кроме

Лунного – ни одного лица,
Ибо соседей – нету.
Место откуплено до конца
Памяти и планеты.

***

В стране, которая – одна
Из всех звалась Господней,
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня

На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредет. "Леонтьем
Крещёный – просит о таком –
то прозвище". – Извольте!

А впрочем, что ему с холма,
Как звать такую малость?
Я гору знаю, что сама
Переименовалась.

Среди казарм, и шахт, и школ:
Чтобы душа не билась! –

Я гору знаю, что в престол
 Души преобразилась.

В котлов и общего котла,
 Всеобщей котловины
 Век – гору знаю, что светла
 Тем, что на ней единый

Спит – на отвесном пустыре
 Над уровнем движенья.
 Преображенье на горе?
 Горы – преображенье.

Гора, как все была: стара,
 Меж прочих не отметишь.
 Днесь Вечной Памяти Гора,
 Доколе солнце светит –

Вожатому – душ, а не масс!
 Не двести лет, не двадцать,
 Гора та – как бы ни звалась –
 До веку будет зваться
 Волошинской.

23 сентября 1932

***

– «Переименовать!» Приказ –
 Одно, народный глас – другое.
 Так, погребенья через час,
 Пошла «Волошинскою горою»

Гора, названье Янычар
 Носившая – четыре века.
 А у почтительных татар:
 – Гора Большого Человека.

22 мая 1935

***

Над вороным утёсом –
Белой зари рукав.
Ногу – уже с заносом
Бега – с трудом вкопав

В землю, смеясь, что первой
Встала, в зари венце –
Макс! мне было – так верно
Ждать на твоём крыльце!

Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С восхолмья да на восхолмье,
С глыбы да на утёс –

По трёхсаженным креслам:
– Тронам иных эпох! –
Макс! мне было – так лестно
Лезть за тобою – Бог

Знает куда! Да, виды
Видящим – путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы – на обелиск...

Ну, а потом, на плоской
Вышке – орлы вокруг –
Макс! мне было – так просто
Есть у тебя из рук,

Божьих или медвежьих,
Опережавших «дай»,
Рук неизменно-брежных,
За воспаленный край

Раны умевших браться
В веры сплошном луче.
Макс, мне было так братски
Спать на твоём плече!

(Горы... Себе на горе
Видится мне одно

Место: с него два моря
 Были видны по дню

Бездны... два моря сразу!
 Дщери иной поры,
 Кто вам свои два глаза
 Преподнесёт с горы?)

...Только теперь, в подполье,
 Вижу, когда потух
 Свет – до чего мне вольно
 Было в охвате двух

Рук твоих... В первых встречных
 Царстве – о сам суди,
 Макс, до чего мне вечно
 Было в твоей груди!

Пусть ни единой травки,
 Площе, чем на столе –
 Макс! мне будет – так мягко
 Спать на твоей скале!

28 сентября 1932

ЭДИТ КРОНЕНТАЛЬ

ОДА К МАКСУ *(Подражание Гомеру)*

О, Каллиопа, от Зевса рождённая Муза!
 Ты ныне Макса воспой нам, владыку песчаных берегов Коктебельских!
 Славный в долине вершин голубых, от ветров не закрытой.
 Славен ещё он на севере в граде туманном и стройном;
 Также все знают о нём в белокаменном городе пышном,
 Златовенчанными храмами, зеленью парков богатом.
 Нынче, внук эллинов, здесь поселился ты в месте спокойном,
 Тёмной водою омытом, где вечно-свистящие ветры
 На берег гонят волну, белопенным прибором играя.
 Любишь долину меж гор, хоть бесплодна, бедна её почва.
 Также и запах степной, – горьковатый и терпкий, – полыни.

Часто задумчив стоишь ты над мрачным, бездонным ущельем,
 Где ни дорог, ни тропинок ещё никаких не бежало.
 Здесь твой возносится дух, сладкогласную песню слагая.
 Слушаем мы, замирая, забвенья забот мы находим,
 Тешимся нежным созвучьем иль мощною силою слова.
 Или над морем ты в стройной с высокими окнами башне
 Кистью искусной творишь. И глубоко-размытые горы
 Видим, – рисунки твои, – раскалённые зноем пустыни,
 Скалы нависли, внизу далеко пролегает долина;
 Иль выступающий мыс, иль берег пустынного моря.
 Чаще, душой веселясь, ты сидишь в многошумной беседе
 Милых друзей и гостей, всех равно благоволеньем
 Чтишь; и наполнен твой дом жизнерадостным свежим весельем.
 С радостью едут сюда и в течение целого лета
 Время проводят в жилище твоём, ни о чём не заботясь.
 Нынче мы славим тебя, в этот день ты рожден нам на радость!
 Ныне увидишь, как все, на любовь отвечая любовью,
 С песней насмешливо-звонкой, с весёлой и лёгкою пляской,
 Игры в саду поведут под звуки тимпана и флейты,
 Честь воздавая тебе и любезное радуя сердце.
 Музой любимый, со светлым умом и прекрасной душою.
 Пусть же продлят твою жизнь, всем на радость, бессмертные боги!

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

КОКТЕБЕЛЬ

I
 Тогда казался этот дом форпостом
 Мечтателей и чудаков Москвы.
 Влекло их к спелым черноморским звёздам,
 К лохматой пене, к блеску синевы,

К хозяину... А он не дожил века,
 Не дописал стиха – и был таков!
 Остался дом как праздничная вежа
 В воспоминаньях многих чудаков.

Остался львиный облик киммерийца
 С народнической русой бородой.

Остался тлен и прах, как говорится,
Да шум прибоя, да туман седой.

Осталась в доме голова царевны,
Умершей много тысяч лет назад.
Глаза её младенчески безгневно
Поверх морей и мимо стран скользят.

С невольным страхом прикасались гости
К обломку древней сказочной кормы:
Впились в обшивку бронзовые гвозди,
Стих "Одиссеи" волновал умы.

И раковины с берегов Гвинеи
Нас радовали радужной игрой,
И жизнь поэта, и века за нею
Как будто приближались к нам порой.

Так он остался в нашем мирозданье,
Дородный этот добрый бородач,
Отнюдь не классик в массовом изданье,
А только список спорных неудач.

И нам казалось, что за далью влажной
Глядит на тучи и на Чатырдаг
Какой-то профиль каменный и важный,
Хозяин дома, символист-чудак.

ВИКТОР ВАСИЛЕНКО

У ДОМА ПОЭТА

Памяти М. А. Волошина

Где-то из бывшего,
странно золотого, —
голос мне родной:
это память детства,
тихого соседства
с вечной чистотой.

В небе синем, синем –
корабли-ладьи,
в солнечной пустыне
словно в забытии,
а внизу полынный
запах и покой, –
век такой старинный,
мой он и не мой!

Век пришёл непрошен
к дому своему!
Там поэт Волошин
зорко смотрит в тьму
древней Киммерии,
в дивный мир России.
Но возврата нет!
И, не узнавая,
где мой явлен след,
я бреду, страдая,
через сотни лет,
жажду с прошлым встречи,
там мой ранний вечер!
Море полно блеска,
пена и песок,
свет сияет резко, –
я не одинок!
В тех столетьях ранних
в половецком стане
я, спеша на свет,
был уже поэт!

ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

БАЛЛАДА О ДОМЕ ПОЭТА

Памяти М.С. Волошиной

Холстина с ветром обливает плечи,
а вихрь волос охвачен ремешком, –
таким он мне явился в летний вечер
на обнажённом берегу морском.

Он неизменно душу человеческую
умел согреть приютом и добром
и навсегда пророческою речью
наполнил свой храмоподобный дом.

И он ушёл. А стражницею дома
осталась женщина, среди огня и грома
храня святыню много лет подряд.
Внизу всё так же море камни гложет...

Он и она на поднебесном ложе,
Поэзией обвенчанные, спят.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВА

М. Волошину

К твоим кудрям пошли бы листья лавра.
Маслина серая и винограда кисть
В твоих глазах, певец седого Тавра,
Поэт и Мистик.

На фоне скал, в тунике тёмно-синей,
Свой посох взяв, нисходишь тихо к морю.
А в бороде уже заметен иней,
Но огонь – во взоре!

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

***

Нет, не поеду я туда.
 Давно уже зарок положен.
 Я знала Коктебель тогда,
 Когда ещё в нём жил Волошин.
 А что там было? Синь, полынь
 Да море. Небо и пустыня.
 Там и теперь все та же синь,
 Но нет пустыни, нет полыни.
 Стеклом блистают корпуса,
 Тесня волошинскую дачу,
 И первобытная краса
 Исчезла. Все теперь иначе.
 Туда на бархатный сезон
 Литературная элита
 Съезжается, держа фасон...

Исчез мой давний дивный сон,
 Но всё, что было, не забыто.

АКВАРЕЛИ ВОЛОШИНА

О как молодо водам под кистью твоей,
 Как прохладно луне под спокойной рукой!..
 Осиянный серебряной сенью кудрей,
 Возникал в акварелях бессмертный покой.
 Я всем телом хотела б впитаться туда,
 Я забыла б свой облик за блик на песке.
 Лёгкий след акварели, сухая вода,
 Я пила бы на этом бумажном листке.
 И, влюбленно следя за движением век,
 Озарённая ласковым холодом глаз,
 Поняла б наконец, что любой человек
 Этот призрачный мир где-то видел хоть раз.
 Но когда? Я не знаю, и вспомнить не мне.
 Это было в заоблачной жизни души,

А теперь – еле брезжит, чуть мнится во сне...,
 Ты, бесстрашно прозревший, свой подвиг сверши.
 Воплоти, что в мечтаньях Господь созерцал:
 Бурногорье, похожее на Карадаг,
 Где вода словно слиток бездонных зеркал,
 Где луна лишь слегка золотит полумрак.
 Ты заблудшую душу отчизне верни,
 Дай мне воздухом ясным проникнуть везде.
 Я забуду земные недолгие дни,
 Я узнаю бессмертье на лёгком листе.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

В КОКТЕБЕЛЕ У ВОЛОШИНЫХ

В Коктебеле у Волошиных
 Было много всякой всячины
 И гостей, порой непрошенных...
 Было много всякой всячины
 Всевозможных величин:
 Гвоздики и пестики, листики и крестики –
 Камушки цветные и прозрачные
 До сих пор прибой выбрасывает их из пучин.

Шёл к вулкану я однажды вечером,
 Вдруг Волошин чем-то озадаченный:
 – Вы не видели Овидия?
 – Нет, но видел я Овадия
 Савича! – ответил я.
 – А! Значит, обманулись они давеча,
 Спутали Овадия с Овидием
 Милые мои друзья!
 И ушёл Волошин в свет луны...
 ...Волны были солоны, ветер дул издалека.
 Это было после смерти и воскрешения Волошина.

Тень Карадага – профиль Волошина,
 На море вулканом отброшенный,
 Помню, поднял я с песка
 А пока
 Меня больше всего занимают
 Метеорологические наблюдения,

Климатологические записи Волошина
За много лет.
Это очень ценно потому, что любая заметка хроники
Превращается в художественное произведение,
Если её написал поэт.

БОРИС ЧИЧИБАБИН

НА МОГИЛЕ ВОЛОШИНА

Я был на могиле поэта,
где духу никто не мешал,
в сиянии синего света,
на круче Кучук-Енишар.

В своём настоящем обличье
там с ветром парил исполин –
родня Леонардо да Винчи
и добрый вещун из былин.

Укрывшись от бурь и от толков
с наивной и мудрой мольбой,
он эти края для потомков
обжил и наполнил собой.

Гражданские грозы отринув,
язычески рыжебород,
увидел в девчонке – Марину
и благословил на полёт.

Художник, пророк и бродяга,
незримой земли властелин,
у вскинутых скал Карадага
со всеми свой рай разделил...
Со всей потаённой России
почтить его гордый покой
мерещились тени другие.
завидуя тризне такой.

Но пели усталые кости,
вбирая гремучий бальзам,
о том, что разъехались гости
и не было счастья друзьям.

На солнце кусты обгорели,
осенние бури лихи...
Не меркнут его акварели,
у сердца не молкнут стихи.

И я в этом царстве вулканьем,
с велением сердца в ладу,
ему на обветренный камень
угрюмые строки кладу.

Пожил богатырь да поездил,
да дум передумал в тиши.
Превыше побед и поэзий
величие чистой души.

У туч оборвалась дорога.
Вернулся на берег Садко.
Как вовремя... Как одиноко...
Как ветрено... Как высоко...

ЛЕОНИД ФЕЙНБЕРГ

***

Ты долго томился в холодной земле.
Но солнце помедлило: в воды вглядеться
И холмы покоить в великом тепле...
И сердце твоё не могло не согреться.
С нагорья чуть слышно меня ты позвал,
И вверх по восклону я шёл без дороги,
И ветер ладони мне в грудь упирал,
И колкие травы цеплялись за ноги.
Я маленький камень – зелёный – принёс,
Отточенный вгладь мириадами взводней,
И звёздочка яшмы вдавилась в откос,
Чтоб память вздохнула светлей и свободней.
Пусть жёсткие корни сплелись вместо жил
И рыжей рудою вся кровь обернулась:
Я руку на сердце тебе положил...
Но сердце большое в ответ не качнулось.
А помнишь – те дни? – их мятежный Восток,
Косматые солнца в просторе богатом...

Меня ты забыл – неположенный срок,
 И нехотя принял слугою и братом.
 Но к прежним истокам я снова приник
 И снова прокрался в родной заповедник,
 Твой друг неразумный, немой ученик,
 Единственный, хоть незаконный, наследник.
 Прости ж мою немощь: что робок и слаб,
 Что день мой – туманней, и мрак – непробудней,
 Что блудный твой брат, что уклончивый раб
 Заветное солнце не поднял из будней.

Ольга Шаблакова

* * *

Тогда
Из глубины молчания рождается
Слово
 (М. Волошин «Подмастерье»)

В просторной рубахе,
 с посохом,
 оставив у моря дом,
 ушёл на рассвете
 по суху*,
 звездой своей ведом.

От лёгкой прохлады
 ежился
 и запахи различал.
 И так, отрешаясь,
 множился.
 Все был он:
 волна, причал,

сухая травинка,
 облако,
 тропинка в степи, гора.
 Где явь становилась
 мороком,
 там жизнью была игра.
 Казалось, гасил

сознание
и волю свою терял.
Он все рассчитал
заранее,
не ведая, что
смирал

себя
так, как учит Библия...
И в собственной тишине
сдавался и обессиливал,
и вдруг становился
вне –

пространства, размера, цвета...
Вне вкуса и вне времён.
Но может,
и вне ответа
за то, что
вознаграждён,

когда в глубине молчания
постигнутое едва
на ощупь, в слепом отчаянье
он смог облачить
в Слова...

* здесь: по сути + иносказательно (найти выход из трудного положения).

На первой странице: картина Вероники Шевчук «Душа Коктебеля. М. Волошин»